

Татьяна Иванько

Говорит и показывает. Книга 3

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
И18

Иванько Т. В.

Говорит и показывает. Книга 3 / Иванько Т. В. —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 492 с.

ISBN 978-5-532-93252-4

Прошло двадцать лет, весь мир переменялся, стали иным даже язык, люди не выпускают их рук электронные устройства, всё переменялось, но всё осталось прежним. Дети стали взрослыми, и каждый из них начинают уже свою, новую историю, чья окажется счастливой и светлой, а чья печальной?.. Старые узлы затягиваются с новой непреодолимой силой. Испытания и потери продолжаются, что можно преодолеть, на что закрыть глаза, что простить, а что навсегда останется неизменным. Неожиданные встречи с теми, кого давно потеряли, но не забыли, и с теми, кого никогда не знали. Новые горизонты, научный поиск, объединяющий всех героев в крепкую команду, разорвут ли её и заодно разрушит их жизни вмешательство извне или напряжение изнутри? Как оставаться самим собой в мире вечного противостояния мира и человека? И куда это приведёт...

ISBN 978-5-532-93252-4

© Иванько Т. В., текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Часть 19	5
Глава 1. Сны	5
Глава 2. Мать	20
Глава 3. Буря в стакане воды	28
Глава 4. Ссоры, кровь, телевидение и капли терпения	37
Глава 5. Невозможное	51
Часть 20	61
Глава 1. Брат?	61
Глава 2. Искорки	71
Глава 3. Необходимость	79
Глава 4. Старые друзья	86
Глава 5. Гнев	95
Часть 21	105
Глава 1. Магнус и победитель	105
Глава 2. Антанта	116
Глава 3. Путаница и восхищение	127
Глава 4. Шаг	138
Глава 5. Тупик	146
Часть 22	154
Глава 1. Альянс	154
Глава 2. Упадок	164
Глава 3. Мать и отец?	170
Глава 4. Всё будет по-прежнему	181
Глава 5. Остров Крым	190
Часть 23	197
Глава 1. Вдох	197

Глава 2. Москва-Ялта	207
Глава 3. «День Франции»	215
Глава 4. Идеи	226
Глава 5. Цугцванг	238
Часть 24	247
Глава 1. Виновна	247
Глава 2. Не может такого быть...	263
Глава 3. Тупик и солнечный свет	280
Глава 4. Испанка	290
Глава 5. Как много ошибок...	304
Глава 6. Славный вечер	312
Часть 25	328
Глава 1. Отец и сын	328
Глава 2. Инфаркт	334
Глава 3. Брат	342
Глава 4. Космос	357
Глава 5. Гормоны секса	374
Глава 6. Нехорошо...	386
Глава 7. Развод	396
Глава 8. Новый год	407
Глава 9. Моё и наше	428
Часть 26	444
Глава 1. Гамбит	444
Глава 2. До и после	456
Глава 3. Открытия	473
Глава 4. Майский солнечный день, почти Булгаковский...	483

Часть 19

Глава 1. Сны

Этот сон снился мне почти неизменным уже пятнадцать лет. Нечасто, и нерегулярно, то каждую неделю, то не возвращался целый год или два. И всякий раз я просыпалась всё с тем же алым маком, раскрывшимся в моей груди, горячим, ярким, жаром, растекающимся до кончиков пальцев, а иногда мне кажется, что до самых кончиков волос.

Проснувшись из-за него, я лежала некоторое время, дожидаясь, пока жар, вызванный сном, стечёт с меня, и думая, почему Вася мне снится таким, каким я никогда его не видела?..

Я закрыла глаза снова, чтобы опять увидеть его, услышать его голос... Но нет, канал связи закрылся, теперь я буду только вспоминать и думать...

Я прислушалась к ровному дыханию Вальтера, он посапывает во сне, а бывает, и храпит из-за сломанного дважды носа, так и не обратился исправить, терпеть не может лечиться:

– Предпочитаю оставаться по эту сторону! – не раз говорил он, смеясь, глотая горстями аспирин при каком-нибудь ОРЗ, и отправляясь на работу. Как ни странно, эта тактика срабатывала, на моей памяти он ни разу не разболелся по-настоящему.

Но как-то он признался, глотая очередную горсть аспиринов и запивая каким-то шипучим лекарством:

– Просто я боюсь превратиться в ипохондрика, – он поморщился и отвращением поглядел в стакан. – Это так легко.

Я рассмеялась на это, кем угодно, но ипохондриком его представить невозможно.

– Напрасно ты смеёшься, – серьёзно сказал он. – Однажды в детстве я им стал, еле вышел из этого...

– Не может этого быть, не сочиняй! – сказала я.

А Вальтер допил свой адский коктейль и продолжил:

– Очень даже может! Я попал в больницу с гландами, мне было лет... не помню, восемь... или, может быть, шесть. Вначале я болел дома, была и температура и всё прочее, как положено, все суетились вокруг меня, обожали, смотрели испуганно, выполняли все желания, может быть потому, что я до того не болел... Мне это понравилось, – он улыбнулся. – И вдруг я опять стал здоров, и всё, все опять стали как были, я снова не был пупом земли. Я стал прислушиваться к своим ощущениям, заглядывал в горло, высовывая язык до самого пояса, измерял температуру каждые полчаса, лежал в кровати, печально глядя в потолок и чувствовал, что я умираю, но почему-то никто не замечает этого и даже не придаёт значения моим «грозным симптомам». Тогда и положили в больницу, собирались удалить миндалины... – он засмеялся. – Во-от там-то я и излечился навсегда, в первые же дни наглядевшись на то, как чувствовали себя прооперированные.

Он, улыбаясь, посмотрел на меня и добавил:

– Так что я теперь этой глупой ипохондрии боюсь больше любой болезни.

Так и остался сломанным нос, и я слушала каждый раз, когда он засыпал, привычную спокойную мелодию. Но сейчас она не успокаивала меня. Я поднялась, надо отогнать остатки странного сна...

А вернее... Я не хотела их отгонять, я хотела ещё подумать, повспоминать его, и сон, и Васю, такого сильного, сияющего...

Я ничего не знаю о нём все эти годы, уже скоро двадцать лет. С тех пор, как я отказала я ему в своей руке уже на свадьбе, я больше никогда не видела его. Вернее, я теперь видела его только во сне...

Я пришла на кухню, пол холодиль босые ноги, скоро май, совсем как тот, что мне снится... В открытую форточку вливался холодный воздух, он казался густым, и будто касался моей кожи, обхватывая ледяными руками мои колени, прижимаясь водянистым телом. Снег на улицах уже сошёл, но зима ещё выдыхает, пощипывает исподволь весну этими ледяными ночами.

Я нажала выключатель. Свет залил нашу просторную кухню, посверкивают красивые плоски, половники. Агнесса Илларионовна отлично следит за чистотой на кухне. В своих комнатах мы

убираем сами, я ввела это за правило для детей, ещё когда им было по 9-10 лет, и сама не хотела превращаться в барыню, и забывать, что такое обычная домашняя работа. Хватает того, что я почти не готовлю.

Но Агнесса моя большая помощница и относится ко мне... да, пожалуй, и с любовью. Она всю жизнь была одинока, детей не имела и привязалась в своё время к Юргенсам, но по-настоящему, сердечно, она стала относиться к нашей семье, когда в ней появилась я и дети. Это происходило постепенно, она будто оттаивала, всё теплее становился её взгляд, который я ловила на себе, и всё чаще скуластое лицо освещала улыбка.

А несколько лет назад она рассказала мне настоящую историю своей жизни, которую никогда не слышали nemmeno высокомерные Марта Макаровна и Вальтер. Оказалось, что в действительности её зовут Бабенюр Шарафутдиновна и фамилия её была совсем уже непроизносимая. Она выросла в семье своего дяди под Уфой и в пятнадцать попала в колонию для несовершеннолетних.

— С плохой компанией связалась, — улыбнулась Бабенюр-Агнесса, собирая лицо в сухие складки. — Влюбилась... воровали мы по мелочи, ларьки грабили сигаретные, галантерею, гастроном... Ну и... — она вздохнула, опуская чудные тёмно-серые глаза. — Альберта моего убили в зоне. Он старше был, уже на взрослую зону попал. Вышла я. К дяде не пошла уже, не хотела пятном на них оставаться, и так... Вот и рванула в Москву. Паспорт купила, связи-то появились, сами понимаете... Вот и стала Агнессой Илларионовной Савицкой, — она взглянула бочком лукаво. — Прямо... умора, какая я Агнесса? Но живу уж пятнадцать лет почти что.

Она и в домработницы попала случайно, «не думала даже об этом». Приехала в Москву и первое время работала в метрострое. Но заболела и...

— В больнице-то и познакомилась с Мартой Макаровной. Она навещала свою мать. Я услышала их разговор, что новая квартира, большая, что она, хозяйка, занята всё время на работе, и времени и сил на домашнее хозяйство не хватает. Меня как тукнет, я возьми и спроси: может, вам помощница нужна?.. Ну и... и комнату помогли

мне в коммунальной получить, прописка уж была. Но домашняя работа – это не метро рыть... Я прям вздохнула, хоть из-под земли выбралась. Никогда не обижали меня. Готовить я всегда любила и получалось всегда... Вальтер школьник уж был. Класе в четвёртом учился. Да, в четвёртом... десять лет ему было. Хороший был пацан всегда, не барчук. Да... И отец его, секретный академик. Такой секретный, што я до сих пор и не знаю, где ж он работал. Даже награды и те в сейфе прятали... Говорили, сидел тоже, но никогда вслух не обсуждали. У него, между прочим, была семья до Марты. Фотографии до сих пор лежат, в шкатулке. Там сын его, жена первая... Не знаю, может умерли... Марта знает, он не скрывал, но я не расспрашивала никогда.

Не знаю, почему я вспомнила сейчас об этом, разглядывая сияющую чистотой кухню. Если бы не Агнесса, я никогда бы такой чистоты не добилась. Да и такого уюта в доме тоже. Я долго обживала его. Отторгая, не оставаясь будто насовсем. Но сближение с Агнессой и к дому помогло привыкнуть. Тогда и мебель мы сменили, и двери, и светильники... да всё. Марта Макаровна с удовольствием наблюдала преобразования, полностью изменившие её квартиру.

– Вы не обижаетесь? – спросила я.

На что она улыбнулась и даже приобняла меня:

– Напротив, Маяюша, я очень рада, что ты, наконец, захотела считать этот дом своим. Я всё боялась, что ты вот-вот всё бросишь и сбежишь. Будто ты только на время зашла, и ждёшь момента улизнуть, – сказав последние слова, она пристально посмотрела на меня.

Нельзя сказать, что она так уж ошибалась в этом. Именно так. Именно так, я несколько лет только и думала об этом, как бы улизнуть, уйти и прекратить эту двойную жизнь. Я так надеялась, что Таня, наконец, перетянет Вальтера к себе, что, наконец, он поймёт, что... Не знаю, чего я хотела. И продолжаю хотеть, но все мои попытки убедить его отпустить меня, наталкивались всё на то же: я могу уйти только одна.

И я привыкла. Как и все мы привыкли к тому, что мы живём странной жизнью. Странной семьёй. Только на первый взгляд мы были семьёй самой обычной. Я не знаю и никогда не интересо-

ввалась, сколько побочных связей имел мой муж, но уверена, что немало. Однако, это почему-то не отвлекало его от меня. Напротив, придавало какой-то ярости его страсти. И парадоксальным образом будто подогревало его любовь. Ещё и поэтому я не могу уйти.

А может быть... потому что тоже люблю его? Сложно не любить того, кто любит тебя. Почти невозможно.

И это чувствует и понимает Ю-Ю. И терзается этим и временами терзает меня. Как и Вальтер. И это тоже стало привычным. И упрёки, и вспышки гневной ревности, ультиматумы и требования. Особенно, если ко всему примешивался алкоголь, что тоже случалось. Тогда и посуда билась, ломались стулья, и громогласные вопли сотрясали наш дом. Наш дом на Кутузовском. И наш дом в Товарищеском...

Пока дети были маленькими наши с Ю-Ю свидания были частыми и дети ничем нас не стесняли, но они росли и всё становилось сложнее. И моя жизнь стала не двойной, а уже тройной. Дядя Илья должен был оставаться для них дядей Ильёй. Поэтому мне намного сложнее стало находить время для наших встреч. Но я находила это время. Без Ю-Ю я не могла жить. Не могла и не могу, не смогу никогда. Хотя и он бесился и сводил меня с ума. Ревность и требования немедля всё прекратить не иссякали. И тоже битьё посуды, расшвыривание мебели, обиды, упрёки, даже слёзы...

Сколько любви, столько и терпения было в моей жизни. Но чем старше становились дети, тем сложнее было вести эту двойную жизнь. Они всё начинают понимать, вернее не понимать, но чувствовать, что всё не так просто и стандартно происходит в нашей семье.

Лариса начала дерзить, то ли от сложного возраста, то ли нервничает в связи с поступлением в институт, весь этот кошмар с репетиторами и подготовкой к ЕГЭ. Но то же переживает и Саша, но он, напротив, спокоен и рассудителен. Они всегда были очень разными, как инь и ян. Она – эмоциональная, вспыльчивая, лабильная, настоящий холерик, но не Саша, похоже, всё спокойствие и самообладание, отпущенное им на двоих, досталось ему. Как и способности. Поэтому они и учились в одном классе, хотя Саша на год моложе. И заканчивали вместе, и поступать намеревались тоже вместе. Почти как близнецы.

Вопрос с выбором профессии встал года три назад, Вальтер был категоричен, когда ребята, после того как с самого детства намеревались идти по нашим стопам, вдруг начали высказывать сомнения, вернее Лара сомневалась вслух, а Саша молчал, но я чувствовала сомнения и в нём.

– Послушайте, – сказала я тогда. – Если вы не чувствуете настоящего влечения к этому делу, не надо идти в медицину.

Но Вальтер вспылал:

– Ну вот ещё! Договорилась, либералка! И думать не смей ни о чём другом! Все врачи в семье, вы фокусничать станете?! В менеджеры, может, пойдёте?! Или продавцами в автосалон? Ах, нет, в модели, должно быть!.. – почти вскричал он, взмахнув большими руками. Когда он сердится, он кажется ещё больше, чем есть.

Я обернулась к нему, взглянула в глаза, я знаю, он поймёт, что я прошу его дать мне сказать и не сердиться раньше времени. Он встретил мой взгляд, его лицо сыграло: «Ну, попробуй, конечно, но учти, я останусь при своём мнении».

– Вот что я вам скажу, мои дорогие. Только одно, – надо сделать паузу, чтобы напряжением усилить эффект от слов, которые намереваюсь сказать. – Только одно: в эту профессию надо идти только с одной мыслью и намерением: помогать людям. Если вы думаете о чём-то другом, это не ваш путь, и он тогда причинит только страдания вам и всем, кто вам попадётся в руки... А теперь думайте. Полгода мы с папой вам даём.

Мы с Вальтером вышли из их комнаты, где они проводили время днём, расходясь на ночь по разным спальням, и Вальтер обернулся ко мне, дожидая, пока я закрою дверь.

– Ты... Правда думаешь то, что сказала им? – очень тихо спросил он, пронизывая меня взглядом.

– Я всегда говорю то, что думаю. А детям вообще врать нельзя. Почему ты спрашиваешь?

Он пожал плечами и пошёл по коридору к кухне.

Я вошла за ним туда и включила чайник. Больше по привычке, машинально, чем в действительности намереваясь попить чаю. Вальтер остановился у подоконника, опершись на него задом.